

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
СЕКЦИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ РАН**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 33

Издается с 1993 г.

**МОСКВА
2013**

Литературоведческий журнал

Коллектив авторов

Литературоведческий журнал № 33

«Агентство научных изданий»

2013

УДК 83
ББК 64

Коллектив авторов

Литературоведческий журнал № 33 / Коллектив авторов —
«Агентство научных изданий», 2013 — (Литературоведческий
журнал)

В журнале публикуются научные статьи по истории отечественной и зарубежной литературы, по теории литературы, а также хроника литературной жизни и библиография по литературоведению. Рукописи представляются в редакцию в печатном и электронном виде. К тексту статьи прилагаются: краткая аннотация на русском и английском языках и список ключевых слов, а также справка об авторе с указанием ученой степени, должности, места работы и контактной информации. Публикуемые рукописи рецензируются. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Номер журнала включает исследования по истории западного литературоведения XIX в., в которых прослеживается становление научной литературоведческой методологии, рассматриваются основные теории отдельных родов и жанров, анализируются манифесты литературных направлений и школ. Для литературоведов, специалистов в области истории европейской литературы и литературоведения XIX в., культурологов, преподавателей и студентов высших учебных заведений.

УДК 83
ББК 64

Содержание

Из истории европейской поэтики XIX века	5
Историзм: (К истории понятия)	5
Теории романа в Германии: Конец XVIII–XIX вв	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Литературоведческий журнал № 33 / 2013

Из истории европейской поэтики XIX века

Историзм: (К истории понятия)

В.Л. Махлин

Аннотация

В статье предпринята попытка реконструкции понятия «историзм» в истории научно-гуманитарной и философско-эстетической мысли Нового времени. На материале историографии, истории литературы, филологии и философии показано, что реальность понятия «историзм» и «старше», и «современнее» того, что под ним подразумевалось в различных традициях последних двух столетий. В этом смысле история понятия «историзм» не сводится к последствиям объективистского понимания истории, характерного для XIX в., ни к критике историзма в конце Нового времени, от Ницше до «постмодерна».

Ключевые слова: историзация, историчность, понимание, исследование, романизация.

Mahlin V.L. Historicism (to the history of the concept)

Summary. The essay is an attempt to reconstruct the notion and concept of 'historicism' against the background of the humanistic and philosophical thought of the new times or the modernity. Using different sources from historiography, philology and philosophy, the author tries to show that the concept of historicism, as the reality of its notions, is «older» and even more «modern» than some intellectual traditions of the last two centuries have seemed to imply. Hence, the history of the concept can't be reduced neither to the consequences of the objectivistic model of history typical for the 19th century, nor to the criticisms of historicism at the end of the new times, from Nietzsche to the so-called postmodernity.

Историзм – фундаментальная установка в восприятии и осмыслении мира, человека и общества, сложившаяся в Новое время к 1800 г. в полемике с рационализмом Просвещения и распространившаяся на протяжении XIX в. на всю европейскую умонастроенность и «образованность», а в гуманитарных науках ставшая научно-методологическим принципом исследования, который сохраняет свое значение (в модифицированном или некритическом виде) вплоть до сегодняшнего дня.

Поскольку слово «историзм» «возникло на сто лет *позже* того, что мы под ним подразумеваем»¹, то *термин* историзм следует отличать от *реальности* этого понятия, которая «старше» термина и не совпадает с его традиционным научным значением. Суждение выдающегося немецкого историка литературы и филолога-романиста XX в. Э. Ауэрбаха: «Кто понимает историзм как эклектику, тот его не понимает»², справедливо и в другом еще отношении: кто замыкает понятие историзм в границах традиционной методологии (в том числе литературоведческой), тот догматизирует и компрометирует традицию историзма, делая научный термин неубедительным и непродуктивным для современности. Именно потому, что «принцип

---

¹ *Meiņneke Ф.* История историзма [1936]. – М., 2004. – С. 56.

² *Auerbach E.* Literatursprache und Publikum in der lateinischen Spätmittelalter. – Bern, 1958. – S. 14.

историзма», обязательный для советского литературоведения и гуманитарии, не был своевременно поставлен под вопрос (как это произошло в западноевропейской философии и отчасти в гуманитарных науках в первой трети XX в. и позднее), понятие историзма в значительной степени утратило в русской науке свою «научность» вместе с крахом гегельянско-марксистской модели советской «эстетики истории»; после 1991 г. историзм либо вообще был по-советски же сброшен с пресловутого «корабля современности» (в особо «продвинутых» энциклопедиях и словарях статья об историзме теперь отсутствует), либо выродился в так называемый «исторический позитивизм» (как это по-особому уже имело место на рубеже XIX–XX вв.). Вызовы современности XXI в. требуют реконструкции понятия историзма с опорой на его историю и даже предысторию.

Историческим источником историзма был и остается всемирно-исторический переворот, адекватно передаваемый словом «*историзация*», – процесс, отчетливо обозначившийся в Европе уже после 1750 г., но по-настоящему осознанный значительно позднее. Историзм возник из продуктивного конфликта трех основных философско-эстетических и литературно-критических тенденций последней трети XVIII в. – классицизма, романтизма и идеализма; из этого комплекса взаимодействий и противодействий в XIX в. сложилось понятие историзма в более узком (терминологическом и методологическом) значении. С другой стороны, по своему влиянию историзм принадлежит еще и нашей современности *после* так называемой «постсовременности» (т.е. после конца Нового времени в прошлом столетии³), поскольку по-новому актуален, по словам выдающегося германиста А.В. Михайлова, «процесс историзации всего знания», «историзация знания (и мира)»⁴, – глобальное событие, внутри которого по-прежнему пребывают культура и образование, научные традиции и язык. В XIX в., в котором сегодня еще отчетливее, чем прежде, видится «переход к современности» и «начало современного мира»⁵, этот связанный с историзацией переворот, или перелом, уже настолько глубок и всеобъемлющ, что в самом «воображении поэта» (*Einbildungskraft des Dichters*) начинается «историзация области *вне* исторического»⁶, а в науке всё, от «истории Христа» (Д. Штраус, Э. Ренан, Ф. Овербек и др.) до «истории *Naturgefühl*»⁷, становится предметом историко-филологического исследования. Историзм, таким образом, – это философская и научно-методологическая рефлексия и образ мысли, обусловленные «инонаучным» историческим опытом и чувством времени – историзацией всех смыслов в культуре и образовании Нового времени.

В сфере литературоведения и гуманитарно-филологического мышления процесс «историзации» соотносим с процессом «романизации» литературы, как он понят в философии романа М.М. Бахтина: роман Нового времени наиболее последовательно реализует и символизирует «отказ от эпической бесспорности» в восприятии и изображении человека и мира, «прозаизацию» художественного и научного познания прошлого и современности; Историзм сделал XIX в. эпохой новой классики, поскольку дело шло о «радикальном повороте в судьбах человеческого слова: о существенном освобождении культурно-смысловых и экспрессивных интенций от власти одного и единого языка, а следовательно, об утрате ощущения языка

³ См.: *Гвардини Р.* Конец нового времени [1950] // Вопросы философии. – 1990. – № 4; *Вебер А.* Прощание с прежней историей [1946] // *Он же.* Избранное: Кризис европейской культуры. – СПб., 1999. – С. 375–536; *Agency after Postmodernity* // *History and Theory*. – Vol. 40, N. 4 (December 2001).

⁴ *Михайлов А.В.* Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры. – М., 1989. – С. 3. *Он же.* Терминологические исследования А.Ф. Лосева и историзация нашего знания // *Он же.* Избранное: Историческая поэтика и герменевтика. – СПб., 2006. – С. 463.

⁵ *Geschichte der Philosophie in Text und Darstellung: 19. Jahrhundert* / Hrsg. Von Manfred Riedel. – Stuttgart, 2004. – S. 8.

⁶ *Пумпянский Л.В.* Гоголь [1923] // *Он же.* Классическая традиция. – М., 2000. – С. 259. Ср.: *Steiger E.* Die Zeit als *Einbildungskraft des Dichters: Untersuchungen zu Gedichten von Brentano, Goethe und Keller* [1939]. – München, 1976.

⁷ *Веселовский А.Н.* Из истории *Naturgefühl* [1883] // *Он же.* На пути к исторической поэтике / Под ред. И.О. Шайтанова. – М., 2010. – С. 295–303.

как мифа, как абсолютной формы мышления»⁸. Историзм, в этом смысле, как в художественном, так и в научном познании означает отказ от представления и изображения исторических событий как некоторой мифологизированной «картины мира» (Weltbild), безотносительной к историческому месту изображающего и воспринимающего эту картину или образ⁹.

Историзм не совпадает с хронологическими границами столетия, зрелым детищем которого он по праву считается, подобно тому как и сам XIX в., так сказать, не равен себе: его духовная история, как заметил М. Хайдеггер, «простирается от последней трети XVIII века до первой трети века XX»¹⁰. Слово «историзм» встречается уже у Новалиса¹¹ (т.е. на рубеже XVIII–XIX вв.), однако подразумеваемый под этим словом *перелом* в восприятии и переживании времени фактически произошел значительно раньше. Начиная со второй половины XVIII в. «история» все больше осознается не столько как совокупность сведений о прошлом (нем. *Historie*), но как некий самостоятельный, надындивидуальный субъект, творящий судьбу всего человечества (нем. *Geschichte*). Если до наступления так называемого «переломного», или «перевалочного», времени (*Sattelzeit*, по терминологии немецкого теоретика историзма в XX в. Р. Козеллека)¹² историография представляла собой по большей части собрание «историй», имевших характер «примеров» для назидания и подражания (ср. древний девиз: *Historia magistra vitae* – «история – наставница жизни»), то на исходе «века Просвещения» принцип подражания (античным) образцам и ориентация на классическое наследие теряют свою непреложность; история становится «коллективным субъектом Истории в единственном числе (Kollektivsingular Geschichte)»¹³. Отныне не прошлое, но становящаяся современность приобретает решающее значение, а традиционное представление об истории как о «наставнице жизни» Гегель подвергнет уничтожающей критике в 1820-е годы¹⁴. При этом, однако, действует и «обратная связь»: в опыте современности по-новому открывается прошлое, в котором обнаруживаются не только предпосылки и причины современности, но также не осознававшаяся прежде «действенность» прошлого в настоящем, а равно и потенциал новых возможностей понимания прошлого – возможностей, возникающих из опыта современности. Именно на почве историзма понятие «классического» обрело новое измерение и новое значение на рубеже XVIII–XIX вв. – трансформация, которая повторится в первые десятилетия XX в., но уже в отталкивании от негативных последствий историзма предшествовавшего столетия¹⁵.

Начиная в особенности с И.Г. Гердера (1744–1803), историзм противопоставляет абстрактному «Разуму» и нормативности Просвещения, во-первых, принцип «органической» индивидуальности (своеобразия и многообразия всего сущего), во-вторых, – принцип *развития* (в обществе и в природе); Гегель позднее дополнит эти два принципа третьим – идеей *разумной закономерности* (и, соответственно, рациональной постижимости) хода всемирной

⁸ Бахтин М.М. Слово в романе [1934–1935] // *Он же*. Собрание сочинений. Т. 3. – М., 2012. – С. 89, 122. Ср.: Михайлов А.В. Роман и стиль // *Он же*. Языки культуры. – М., 1997; Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. – М., 1996.

⁹ Хайдеггер М. Время картины мира [1938] // *Он же*. Время и бытие: Статьи и выступления. – М., 1993. – С. 41–62; ср.: Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук [1966]. – М., 1977.

¹⁰ Хайдеггер М. Ницше [1936–1961]. Т. 1. – СПб., 2006. – С. 87; ср.: Мандельштам О. Деятельный век [1922] // *Он же*. Слово и культура. – М., 1987. – С. 80–86.

¹¹ Scholz G. Historismus / Historizismus // *Historisches Wörterbuch der Philosophie*. Bd. 3. – Stuttgart, 1974. – S. 1141.

¹² Копосов Н.Е. История понятий вчера и сегодня // История понятий и политические идеи в России XVI–XX вв. Вып. V / Под ред. Н.Е. Копосова. – СПб., 2006. – С. 11; Koselleck R. *Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. – Frankfurt a. M., 1979. См. также: История понятий, история дискурса, история метафор (пер. с нем.) / Сб. ст. под ред. Х.Э. Бёдекера, 2010.

¹³ Koselleck, R. *Historie / Geschichte* // *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland* / Hrsg. Von Otto Brunner, Werner Conze, Reinhart Koselleck. Bd. 3. – Stuttgart, 1975. – S. 649–653.

¹⁴ Гегель Г.Ф.В. Философия истории. – СПб., 1993. – С. 61–62.

¹⁵ Reinhardt K. *Die klassische Philologie und das Klassische* // *Ders. Vermächtnis der Antike*. – Göttingen, 1960. – S. 334–360; Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики [1960]. – М., 1988. – С. 338–345.

истории (теодицеей истории). Научная продуктивность историзма, а равно и его научная же уязвимость, с самого начала были обусловлены «инонаучными» импульсами и предпосылками, которые историзм XIX в. одновременно и критиковал, и продолжал, – парадокс, который в литературном контексте зафиксировал О. Уайльд в предисловии к «Портрету Дориана Грея» (1890): «Неприязнь девятнадцатого века к реализму – это ярость Калибана, увидевшего в зеркале свое собственное лицо»¹⁶. Историзм, таким образом, соединяет в своем понятии различные конфликтующие между собою импульсы и ценности, которые сам ход истории со временем поставил под вопрос, но уже не мог отменить.

Историзм начинался не как научная методология позитивистского образца (каким он делается во второй половине XIX в.), но как философия истории и как «теология эпохи Гёте»¹⁷: в стихии истории ощущает и утверждает себя всякая «живая философия» (Ф. Якоби), историография (К. ф. Савиньи и немецкая «историческая школа», французская историография периода Реставрации), литература (романы В. Скотта и др.), литературная критика (братья Шлегели, Ж. де Сталь и др.) – тенденция, которую Ф. Шлегель в «Идеях» (1800) сформулировал как программу познания и образования (*Bildung*): «Не существует иного самопознания, кроме исторического. Никто не знает, что он есть, если не знает, чем являются его товарищи, и прежде всего высший его сотоварищ, мастер всех мастеров – гений времени»¹⁸. Гегель через два десятилетия только придаст фрагментарным романтическим прозрениям общезначимый теоретический вид «научной» философии всемирной истории. Но уже в 70–80-е годы XVIII в. реальность раскрылась как историческое единство многообразия – будь то личность или нация, эпоха или культура. «Каждый народ, – писал Гердер, – имеет свой круг приличия, выраженный в его нравственных понятиях и чувствах, из которого его не должна вырывать никакая заимствованная у других народов вольность поведения»¹⁹. Гердер с его острым чувством различия эпох («Разве можно сочинить и петь в наши дни “Илиаду”?»²⁰) выдвинул, среди прочего, идею, в соответствии с которой конкретная реальность исторического опыта *всегда «больше»* любых обобщений о ней: «Меня все время преследует страх, когда я слышу, как целую нацию или эпоху характеризуют несколькими словами – ведь сколь угодное количество *различий* вмещают слова “нация” или “средневековье”, “древнее” или “новое время”»²¹. Абстрактному понятию «человечество» (франц. *humanité*) Гердер и немецкое Просвещение противопоставили понятие «человечность» (нем. *Humanität*), имевшее, с одной стороны, персональные и этико-религиозные коннотации, а с другой – более тесно, чем рационализм французских энциклопедистов²², связанное с традицией европейской гуманизма (гуманитарного образования). Гердер считается основоположником сравнительного литературоведения²³, и у него же, по-видимому, впервые появляется понятие «вчувствование» (*Einfühlung*; соответствующие русские термины – «вживание» или «проникновение»; англ. *empathy*), ставшее в XIX – начале XX в. (благодаря гегельянцу Ф.Т. Фишеру, его сыну Р. Фишеру и др.) одним из самых разработанных и влиятельных направлений в философской эстетике, психологии и теории познания²⁴. В этапном

¹⁶ Oscar Wilde. Stories. Plays. Poems. Essays. – London and Glasgow, 1957. – P. 17.

¹⁷ Renthe-Fink L. Geschichtlichkeit: Ihr terminologischer und begrifflicher Ursprung bei Hegel, Haym, Dilthey und York. – Göttingen, 1964. – S. 30.

¹⁸ Шлегель Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 1. – М., 1983. – С. 363.

¹⁹ Цит. по: Жирмунский В.М. Жизнь и творчество Гердера // Он же. Очерки по истории классической немецкой литературы. – Л., 1972. – С. 223.

²⁰ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества [1784–1791]. – М., 1977. – С. 447.

²¹ Цит. по: Мейнке Ф. История историзма. Цит. изд. – С. 334.

²² См.: История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. – Л., 1978.

²³ Пытин А.Н. Гердер // Вестник Европы. – 1890. – Кн. 4. – С. 651.

²⁴ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности [1922–1923] // Он же. Собр.соч. Т. 1. – М., 2003; Perpeet W. Historisches und Systematisches zur Einfühlungsästhetik // Zeitschrift für Allgemeine Ästhetik und Kunstwissenschaften. Bd. XI (1), 1966, S. 193–216; Лукач Г. Литературные теории XIX века и марксизм. – М., 1937. – С. 124–127.

для истории историзма сочинении Гердера «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791) уже сформулирован «инонаучный» вопрос, который в XIX в. получит позитивный ответ в виде научной методологии историзма, но также станет источником «бунта» против гипертрофированного и упрощенного «прогрессизма» и «историцизма» (в России XIX в. – от Белинского и славянофилов до Достоевского и Толстого): «Неужели тысячи людей рождаются ради одного, все прошлые поколения – ради рода, т.е. ради абстрактного наименования?»²⁵ На почве историзма стало возможным еще в XVIII в. открытие и осмысление национальных литератур и культурных миров во всемирном масштабе, в единстве того, что Гёте назовет в 1820-е годы «мировой литературой» (Weltliteratur)²⁶.

Противопоставляя себя Просвещению, историзм, однако, продолжает импульсы самого Просвещения (представление об «антиисторизме» Просвещения в немалой степени – инерция романтической полемики с просветительским рационализмом в конце XVIII – начале XIX в.)²⁷. Иначе говоря, историзм был выражением (и разрешением) кризиса Просвещения постольку, поскольку классицистический идеал «совершенства» («готового слова», по терминологии А.В. Михайлова и С.С. Аверинцева) оказался на рубеже XVIII–XIX вв. в острейшем конфликте с новым, «современным» (modern) культурполитическим и этико-эстетическим метаимперативом «совершенствования» с его идеалами «образования» (Bildung) и «прогресса» – индивидуальной и общечеловеческой перспективой, которую И. Кант в своем истолковании идеи «просвещения» определил (1784) как «выход человека из состояния несовершенности, в котором он находится по собственной вине»²⁸. В сфере эстетики и литературной критики этому соответствовал сформулированный Ф. Шлегелем идеал «универсальной прогрессивной поэзии» (1798)²⁹, а в сфере идеалистической философии истории – проект «новой мифологии» (1796), задуманный тремя свободолюбивыми выпускниками Тюбингенского теологического института – Шеллингом, Гельдерлином и Гегелем³⁰.

В Германии общеевропейский процесс «прогрессивной» историзации получил наиболее глубокое теоретическое обоснование в контексте всей предшествующей духовно-идеологической и эстетической культуры, начиная с античности, – образ мыслей, который В. Дильтей в 1880-е годы объяснял тем, что «германский дух, в отличие от духа английского или французского, живет сознанием исторической преемственности», поскольку в немецкой традиции острее, чем во всякой иной национальной традиции, «минувшее выступает как момент сегодняшнего исторического сознания»³¹. Если решающим общественно-политическим событием в становлении историзма была Французская революция (1789–1794) с последовавшими за нею наполеоновскими войнами, перекроившими карту Европы, то «гениальная стадия» историзма, как эвристического принципа мировоззрения, приходится на те же 1790-е годы, когда в Германии произошла «духовная» революция в переживании и осмыслении исторического опыта – событие, в значительной степени обусловившее появление в XIX в. новой философии и новой филологии, «романтизма» и «реализма» в литературе и литературной критике (а равно и в политическом и теологическом мышлении), институционализацию гуманитарных наук («наук

²⁵ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М., «Наука». – 1977. – С. 132.

²⁶ Гёте И.В. Общие размышления о мировой литературе [1827–1830] // *Он же*. Об искусстве. – М., 1975. – С. 567–576. Ср.: Тураев С.В. Гёте и формирование концепции мировой литературы. – М., 1989.

²⁷ Dilthey W. Das achtzehnte Jahrhundert und die geschichtliche Welt [1901] // *Idem*. Gesammelte Schriften, Bd. III (1927), S. 209 ff.; Кассирер Э. Философия Просвещения [1932]. – М., 2004 (глава V: «Завоевание исторического мира»); Бахтин М.М. Роман воспитания и его значение в истории реализма [1938] // *Он же*. Собр. соч. Т. 3. – М., 2012. – С. 313.

²⁸ Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // *Он же*. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. – М., 1994. – С. 127.

²⁹ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: В 2 т. Т. 1. – М., 1983. – С. 294.

³⁰ Гегель Г.В.Ф. Первая программа системы немецкого идеализма [1796; опублик. 1917] // *Он же*. Из ранних произведений. – М., 1970. – С. 211–213.

³¹ Дильтей В. Введение в науки о духе [1883]. – М., 2000. – С. 405.

о духе») в их современном статусе. «Мы пережили восстания в духовном мире, точно так же, как вы – в мире материальном, – обращался Г. Гейне в 1830-е годы к своим французским читателям, – и при ниспровержении старого догматизма мы горячились не меньше, чем вы при взятии Бастилии»³².

На первом (основополагающем) этапе истории историзма – в период примерно между деятельностью Гердера и «бурных гениев» (1770-е годы) и Июльской революцией во Франции (1830), смертью Гегеля (1831), Гёте (1832) и В. Скотта (1832) – *термин* «историзм» еще не сложился, тогда как историческое сознание и историческое мировоззрение достигли наивысшей для XIX в. степени остроты. Напротив, после 1830 г. и особенно после провала европейских революций 1848–1849 гг., когда история стала переживаться уже не столько «романтически», сколько «реалистически», когда влияние А. Шопенгауэра вытеснило влияние Гегеля, а развитие естествознания сделало почти одиозным в популярном сознании само представление о «философии» (ср. тургеневского Базарова, а в карикатуре Достоевского – «бугорки на мозгу» Лебезятникова в «Преступлении и наказании»), – именно во второй половине XIX в. слово «историзм» постепенно входит в употребление, но чаще в полемически-негативном значении: историзм теперь почти отождествляется с крахом «нашего германского спиритуализма» (т.е. идеалистической классики и раннеромантического «энтузиазма»), хотя сама эта критическая рефлексия над «кораблекрушением духа» на новый лад все равно продолжает импульсы историзма³³.

Философское обоснование гуманитарных наук (В. Дильтей и неокантианство); первые попытки принципиальной историзации традиционной (аристотелевской) поэтики (В. Дильтей и др.); появление программ «исторической поэтики» (в Германии – В. Шерер, в России – А.Н. Веселовский), сравнительного языкознания, истории литературы, истории филологии и того, что в XX в. Г.Г. Шпет назовет «этнической психологией» (школа «психологии народов» Х. Штейнталя, М. Лацаруса и В. Вундта); великий французский, английский, русский роман – все эти и другие важнейшие культурные события и достижения XIX в. приходятся на «позитивистские» его десятилетия, скорее чуждые эпохе Гёте и Гегеля, но ощущавшие себя – вплоть до поколения выдающегося итальянского философа-гегельянца и эстетика Б. Кроче (1866–1952), радикализовавшего концепцию историзма на рубеже XIX–XX вв.³⁴, – не только в качестве «эпигонов» (ср. роман К. Иммермана 1836 г. под этим названием), но и в качестве восприимчивых так называемого «исторического сознания» и продолжателей либерально-гуманистической идеи «образования» и «культуры». Крах этой духовно-идеологической системы мировоззрения (и, соответственно, кризис историзма) произошел в «столетнее десятилетие» (выражение писателя Е.И. Замятина) 1914–1923 гг.³⁵, когда, как сказано в прологе романа Т. Манна «Волшебная гора» (1924), «началось столь многое, что потом оно уже и не переставало начинаться»³⁶. Новое переживание (а отсюда и новые концептуализации) истории – как в художественной литературе («В поисках утраченного времени» М. Пруста, «Улисс» Д. Джойса (1922), «Волшебная гора» Т. Манна, поэзия Т.С. Элиота, Э. Паунда, позднего Рильке и др.)³⁷, так и в

³² Гейне Г. К истории религии и философии в Германии [1834] // *Он же*. Собр.соч.: В 10 т. Т. 6. – М., 1958. – С. 106.

³³ См.: Гайм Р. Гегель и его время [1857; рус. пер. 1861]. – СПб., 2006; Rodi F. Unverständnis und Wiederverständnis im Umgang mit der Frühromantik // *Idem*. Erkenntnis des Erkannten. – Frankfurt a. M., 1990. – S. 41–50. Ср.: Hamacher W. Wissenschaft. Literatur und Sinnfindung im 19. Jahrhundert. – Würzburg 1993.

³⁴ Кроче Б. Антология сочинений по философии: История. Экономика. Право. Этика. Поэзия. – СПб., 1999; *Он же*. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика [1902; рус. пер. 1920]. – М., 2000. См.: Мальцева С. Философско-эстетическая концепция Бенедетто Кроче: Диалог прошлого с настоящим. – СПб., 1996.

³⁵ Замятин Е. О сегодняшнем и современном [1924] // *Он же*. Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания. – М., 1999. – С. 101.

³⁶ Манн Т. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. – М., 1959. – С. 8.

³⁷ См.: Фрэнк Д. Пространственная форма в современной литературе [1945] // Зарубежная эстетика и теория литературы / Под ред. Г.К. Косикова. – М., 1987. – С. 194–213.

науках об искусстве и в научно-философском познании (так называемые «онтологический» и «лингвистический» повороты) привели в XX в. к радикальной критике самого термина «историзм» и ассоциировавшихся с ним ограничительных предпосылок и последствий «девятнадцатого века»³⁸. Поэтому литературоведение XX в. настолько же отталкивается от литературоведения XIX в., насколько и немыслимо вне его; больше того: в своих наиболее «революционных» проявлениях литературно-критический «модерн» и особенно «постмодерн» подчас оказывались радикализованными изнанками и двойниками на словах преодоленной «эстетики содержания» в духе раннего Шеллинга и Гегеля – с одной стороны, и традиционного историзма XIX в. – с другой³⁹. Эти и другие характерные для XX в. парадоксы возвращения к прошлому под видом его «преодоления» свидетельствуют не столько против историзма, сколько в его пользу – как и при всякой герменевтической рефлексии и ревизии традиции.

«Парадигма», с которой связан термин «историзм» и само представление об «историзме XIX века» как о «нормальной» (по терминологии Т. Куна) науке, сложилась под определяющим влиянием Гегеля (1770–1831), у которого, однако, слово «историзм» отсутствует. После того как революционный французский «союз ума и фурий» (Пушкин, «К вельможе», 1836 г.) и деспотический наследник революции Наполеон потрясли просвещенную Европу настолько, что сам просветительский «Разум» (Raison) с его резонерами «встретил свое Ватерлоо»⁴⁰, – в эпоху Реставрации (1815–1830) Гегель теоретически обобщил и систематизировал весь предшествовавший опыт истории (от зарождения христианства до своей современности), связав и «примири» в грандиозной спекулятивной конструкции всемирной истории все разорванные после 1789 г. «концы», более или менее внедрив в сознании современников и последующих поколений представление, в соответствии с которым «идея воистину является водителем народов и мира» и «разум господствует в мире», а «мировой дух» (Weltgeist) – в истории. Своего рода апофеозом этого спекулятивно-теологического (но претендовавшего на научность) историзма стала самая известная мысль Гегеля: «Что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно»⁴¹. Влияние Гегеля на историческое сознание XIX в. было настолько сильным и глубоким, что даже осознанное отталкивание от его версии историзма (допускавшей как религиозное, так и атеистическое истолкование) еще долго оставалось в русле гегелевского идеализма (хотя бы и под маркой «материализма»). Таким образом, «нормальный» историзм XIX в. возник из «революционного»: социальные потрясения и духовные достижения эпоху Гёте и Гегеля позднее, в так называемый «предмартовский» (Vormärz) период (1830–1848) и особенно во второй половине XIX в., привели к тому, что, независимо от персональных пристрастий и предпочтений, во всех сферах культурного творчества, от теоретической эстетики до *Realpolitik*, возникла необходимость снова, но уже иначе, чем это удавалось классикам, соединить традиции классицизма, романтизма и идеализма с более трезвым и объективным духом времени, а идеалы свободы, разума и прогресса в истории – с реальностью «буржуазно-христианского мира»⁴².

Судьбы историзма XIX в., начиная с 1820-х годов, связаны как в искусстве, так и в науке (включая богословие) с критикой гегелевского историзма (как слишком «теологического» и «метафизического»). Революционно-эсхатологический историзм 1830–1840-х годов

³⁸ Мандельштам О. Деятельный век [1922] // *Он же*. Слово и культура. – М., 1987. – С. 80–86.

³⁹ См. об этом: Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении. – Л., 1928 // М.М. Бахтин (под маской). – «Лабиринт», 2000.

⁴⁰ Gossman L. Between History and Literature. Cambridge (Mass.) / London, 1990. – P. 257.

⁴¹ Гегель Г.Ф.В. Лекции по философии истории [1822–1823, 1830–1831]. – СПб., 1993. – С. 63–54. *Он же*. Философия права. [1921]. – СПб., 1990. – С. 53. Ср.: Плотицкий Н.С. «Все действительно разумно». Дискурс персональности в русской интеллектуальной истории // Исследования по истории русской мысли. Вып. 8. – М., 2009. – С. 189–207.

⁴² Лёвиг К. От Гегеля к Ницше: Революционный перелом в мышлении XIX века (Маркс и Кьеркегор) [1941]. – СПб., 2002; Hünemann P. Der Durchbruch geschichtlichen Denkens im 19. Jahrhundert. Freiburg etc. 1967.

унаследовал от Гегеля веру в свободу и одушевлял писателей «Молодой Германии» (Менцель, Гейне, Берне, Гуцков, Лаубе и др.) в их стремлении слить литературу с жизнью наподобие того, как Гегель примирил идею с действительностью⁴³; эта тенденция пронизывает и музыку молодого Р. Вагнера (вдохновлявшегося Л. Фейербахом), и философствование левых гегельянцев (тоже опиравшихся, как молодые Маркс и Энгельс, на Фейербаха)⁴⁴. Критика гегельянства одновременно в философии, в литературе и в литературоведении протекала в трех основных направлениях, пронизанных, однако, «сквозной умонастроенностью» эпохи. С одной стороны, наиболее значительные философские критики Гегеля пытались реформировать его историзм, сохраняя при этом метафизически-теологическую схему «философии истории» *en grand*; таковы написанные по-немецки «Пролегомены к историософии» (1838) польского мыслителя графа А. Цешковского (повлиявшего на молодого А.И. Герцена⁴⁵), «Курс позитивной философии» О. Конта (1842), знаменитый парижский курс лекций В. Кузена по «эклектической» философии истории (1828), программа «исторического материализма» молодых К. Маркса и Ф. Энгельса вплоть до «Коммунистического манифеста» (1849). С другой стороны, историософский конструктивизм, но в более популярной форме входит в моду, в частности, в литературной критике (под влиянием немецких теорий и в особенности романов В. Скотта): возникает потребность соотнести всю историю литературы со своею современностью, как, например, в знаменитом предисловии к «Кромвелю» В. Гюго (1827), а свою национальную литературу – с литературами других стран, как в книгах Ж. де Сталь «О литературе» (1808) и «О Германии» (1810–1813), в статьях молодого Т. Карлейля о Жан-Поле, Гёте, Л. Тике (1827–1828) и т.п. В тесном взаимодействии с современной литературой и философией (преимущественно немецкой) в первой трети XIX в. сформировалась целая плеяда блестящих французских историков (О. Тьерри, П. де Барант, Ф. Гизо, Ж. Мишле и др.)⁴⁶, оказавшая мощное влияние на «историческое воображение» XIX в. в целом, включая писателей-реалистов⁴⁷. Наконец, третье направление развития историзма в XIX в. связано с немецкой «исторической школой» (Б. Нибур, Л. ф. Ранке, И.Г. Дройзен, Я. Буркхардт, Т. Моммзен и др.), инициаторами которой выступили еще при жизни Гегеля, что важно, не профессиональные философы, а правовед Ф.К. ф. Савиньи⁴⁸ и филолог-мыслитель В. ф. Гумбольдт. Благодаря в особенности усилиям великих немецких историков XIX в. понятие «философия истории» (в русском варианте – «историософия»), в сущности, утратило продуктивный смысл для научного исследования и для культурного сознания уже после Гегеля, сохранившись в XX в. лишь в более или менее мифологизированных представлениях той или иной «опоздавшей нации» (термин Х. Плеснера, 1935). При этом, однако, немецкий историзм XIX в. отличался (особенно во второй половине столетия) «прусским» национализмом и этатизмом, так что сто лет спустя тень «немецкой вины» неизбежно пала и на него: после 1945 г. понятие историзма зачастую отождествлялось с «немецким историзмом» и ассоциировалось с университетскими «мандаринами» донацистской и пронацистской Германии⁴⁹. Тем не менее именно немецкая критика Гегеля в XIX в. привела к разработке научно-гуманитарных принципов историзма, которые

⁴³ Брандес Г. Главные течения в литературе XIX века. Немецкая литература. – Киев, 1903. – С. 15.

⁴⁴ Лукач Г. Людвиг Фейербах и немецкая литература // Он же. Литературные теории XIX века и марксизм. Цит. изд. – С. 7–69.

⁴⁵ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. – М., 1954–1965. – Т. 22. – С. 38. См.: Чижевский Д. Гегель в России [1939]. – СПб., 2007. – С. 220.

⁴⁶ См.: Рейзов Б.Г. Французская романтическая историография [1815–1830]. – Л., 1956.

⁴⁷ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века [1973]. – Екатеринбург, 2002.

⁴⁸ См.: Немецкая историческая школа права / Под ред П.И. Новгородцева [1896]. – Челябинск, 2010.

⁴⁹ Jaeger F. / Rüsen J. Geschichte des Historismus. – München 1992; Bradford W.H. The German Tradition of Self-Cultivation: «Bildung» from Humboldt to Thomas Mann. Cambridge (Mass.) 1975; Рунгер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890–1933 [1990]. – М., 2008; Тернер Р.С. Историзм, критический метод и прусская профессура с 1740 по 1840 г. [1983] // Новое литературное обозрение. – № 82 (2006). – С. 32–58.

сохраняют свою актуальность в XXI в., поскольку эти принципы противодействуют умственным спекуляциям и сегодня снова и по-новому модному конструктивизму. «Не с помощью Гегеля, – писал Г.-Г. Гадамер, – но только обращаясь к преодолевшим его наукам исторического опыта (гуманитарным наукам. – В.М.) можно действительно определить границу, положенную логике высказывания из нее самой»⁵⁰. Однако «преодоление Гегеля», как и самого «фантома» идеализированной и мифологизированной классики⁵¹ инициировал уже историзм XIX в., научно-методологические принципы которого таковы:

1. Актуальной остается критика В. фон Гумбольдтом («Бэконом исторической эпохи», как его назвал И.Г. Дройзен⁵²) «так называемой философии истории», а равно и всякого идеализма (как «религиозного», так и «атеистического»), в котором тон задает, так или иначе, «теологический» пережиток, давно и комфортно обособившийся от реальности истории, как и от реальности религиозной веры. «Теологическая история, – возражает Гумбольдт коллеге Гегелю (не называя его по имени) в знаменитой программной речи «О задаче историка», произнесенной в Берлинской Королевской Академии наук (1821), – потому никогда не проникнет в живую истину судеб мира, что индивид всегда вынужден находить вершину своей жизни в границах своего брэнного бытия»⁵³ – в границах того, что в XX в. Хайдеггер назовет «бытием здесь», *Dasein*, а его ученик Г.-Г. Гадамер – «конечностью» (*Endlichkeit*), т.е. продуктивной ограниченностью, или «историчностью», человеческого существования. С критикой идеализма связан и тот инициированный Гумбольдтом в первой трети XIX в. поворот одновременно в философии и в филологии, который в XX в. назовут «лингвистическим поворотом» (*linguistic turn*).

2. Отталкиваясь от Гегеля и опираясь на Гумбольдта, классик немецкой «исторической школы» Л. фон Ранке (1795–1886) сформулировал два взаимосвязанных требования к историку (а значит, к «гуманитарию» как таковому). С одной стороны, любая данная эпоха (а равно и всякая конкретная личность или народ) – это такое *индивидуальное* бытие, которое предстает «непосредственно Богу» (*unmittelbar zu Gott*), т.е. не объяснимо только как звено в цепи других эпох, не выводимо целиком из (и не сводимо к) какой-либо более общей взаимосвязи исторических явлений или событий. С другой стороны, историк должен как бы устраниваться ради объективной истины и «просто рассказать, как все было на самом деле» (*bloss sagen, wie es eigentlich gewesen*)⁵⁴.

3. Историзм XIX в., начиная с В. ф. Гумбольдта, выдвинул принцип *повествования* (нарратива), в соответствии с которым «рассказ» о событиях прошлого должен заключать в себе связное истолкование этих событий, – ход мысли, который сближает научно-гуманитарное мышление с «искусством» и писателя, и интерпретатора. Этот принцип, который в современных исследованиях по «теории истории» иногда претендует на новизну, «на деле так же стар, как и историзм»⁵⁵, а его «постсовременная» новизна связана разве что с более или менее справедливым разоблачением *наивных* притязаний научного разума на «объективность», но вовсе не самого стремления к объективности. В XIX в. принцип повествования скорее расширял пределы научного познания; таким, например, был «нарративный» метод П. де Баранта (1782–1866), о котором советский историк литературы писал: «Только повествование могло включить в себя все содержание истории в ее внутренних связях и отношениях <...> Только нар-

⁵⁰ Гадамер Х.-Г. Что есть истина? // Логос. – 1991. – № 1. – С. 34.

⁵¹ Резвых П. Фантом «немецкой классики» // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / Под ред. И.М. Савельевой и А.В. Полетаева. – М., 2009. – С. 419–434.

⁵² Дройзен И.Г. Очерк истории [1867] // Он же. Историка. – СПб., 2004. – С. 457.

⁵³ Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М., 1985. – С. 299.

⁵⁴ Ranke L.V. Geschichten der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1514. Bd. 33. – Leipzig, 1885 (3. Aufl.), S. VII (предисловие к 1-му изд. 1924 г.).

⁵⁵ Historismus im 19. Jahrhundert. – Op.cit. – S. 11.

ративной истории доступен “местный колорит”, проникающий в каждое событие истории»⁵⁶. Колоссальное воздействие на формирование историзма в первой трети XIX в. оказали исторические романы В. Скотта, окончательно взломавшие ограничения просветительски-абстрактного взгляда на историю и позволившие подойти к историческому прошлому не столько «эпически», сколько, по выражению А.С. Пушкина, «домашним образом».

4. Важнейшей новацией историзма XIX в. было введение в научно-гуманитарное мышление методологического принципа «*понимания*» (*Verstehen*) как «*исследования*» (*Forschung*) – герменевтического принципа (в отличие от «эксперимента» в так называемых опытных науках): «Сущность исторического метода, – писал И.Г. Дройзен (1808–1884), – понимание путем исследования»⁵⁷. Именно потому, что понятие «исследование» в наши дни является чем-то само собой разумеющимся, оно легко смешивается или подменяется понятием «наука» (которое задавало тон в XVIII в.), или понятием «доктрина» (которое господствовало до эпохи Просвещения). «Отправляясь от образа путешественника, который проникает в неизвестные области, понятие “исследование” охватывает равным образом познание природы и познание исторического мира, – писал Г.-Г. Гадамер в середине XX в., оценивая вклад Дройзена в методологию научно-гуманитарного познания. – И чем больше блекнет теологический и философский фон познания мира, тем больше наука мыслится как проникновение в непознанное и поэтому именуется исследованием»⁵⁸. К истории литературы примат «исследования» относится в такой же мере, как и к истории философии и к историографии⁵⁹.

5. Историзм XIX в. заново открыл исторические миры прошлого, которые прежде, конечно, были известны, но не вполне осознавались в своем качестве «эпох» и в своем влиянии на европейскую культуру в целом; так, И.Г. Дройзен сумел по-новому увидеть и оценить «эллинизм», а Ж. Мишле (1798–1874) и Я. Буркхардт (1818–1897) – романский «ренессанс»⁶⁰. Ж. Мишле также перевел на французский язык и прокомментировал почти забытого к тому времени итальянского филолога-мыслителя, оппонента картезианского сциентизма Д. Вико с его «Новой наукой» (1725–1744), подготовив «ренессанс» Вико в XX в., в том числе в литературе (Д. Джойс).

Кризис историзма в конце XIX – начале XX в. породил в конце Нового времени две основные формы *критики* историзма – негативную и позитивную, – которые на протяжении минувшего столетия, разнообразно переплетаясь, одушевляли и определяли дискуссии о «модерне» и «постмодерне» как в философии, так и в литературной критике. Сегодня невозможно ни употреблять, ни игнорировать термин «историзм» так, как если бы этого кризиса не было: ведь именно основательная критика историзма делала и делает возможным его переоткрытие не только в отношении его прошлого, но и в отношении исторической современности. С одной стороны, еще в XIX в. появляется пейоративный термин «*историцизм*», фиксирующий и разоблачающий, начиная со второго из «Несвоевременных размышлений» Ф. Ницше – «О пользе и вреде истории для жизни» (1874), основные слабости, или последствия, историзма. Действительно, чем больше историзм из первоначального эстетико-метафизического переживания и замысла истории как возрастания культуры и прогресса становился реальным воплощением своих же исходных импульсов, тем больше этот замысел обнаруживал свою изнанку. С одной стороны, эстетически-антикварное любование прошлым «обжирал истории», которые видят в ней только зрелище – «космополитический карнавал религий, нравов и искусств»⁶¹, –

⁵⁶ Рейзов Б.Г. Французская романтическая историография. Цит. изд. – С. 153.

⁵⁷ Дройзен И.Г. Очерк истории. Цит. изд. – С. 463.

⁵⁸ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Цит. изд. – С. 265.

⁵⁹ Яусс Х.Р. История литературы как провокация литературоведения // НЛО. – 1995. – № 12.

⁶⁰ Февр Л. Как Жюль Мишле открыл Возрождение [1950] // *Он же*. Бои за историю. – М., 1991. – С. 377–387.

⁶¹ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни [1874] // *Он же*. Сочинения: В 2 т. Т. 1. – М., 1990. – С. 186.

грозило историческому познанию релятивизмом, утратой объективной истины в эмпирической множественности картин, мнений, событий. Сама по себе методологическая установка на объективное познание прошлого («как все было на самом деле») сама по себе оказалась проблематичной: она, как все более обнаруживалось, заключала в себе наивное допущение внеисторического «взгляда ниоткуда» – ее коррелят в «классическом» романе XIX в. представлен идеалом так называемого «всеведущего повествователя» (omniscient narrator) (Флобер, Теккерей, Л. Толстой и др.). С другой стороны, критика историзма в XX в. имела и глубоко позитивные следствия: научно-гуманитарная революция между двумя мировыми войнами – «настоящий кайрос понимающей историографии»⁶² – выросла из продуктивной дискуссии об историзме (прежде всего в Германии)⁶³ и привела к трансформации историзма на путеводной нити понятия «историчность» (Geschichtlichkeit), обоснованном еще В. Дильтеем⁶⁴, радикализированном М. Хайдеггером в 1920-е и позднее модифицированном Г.-Г. Гадамером в его главной книге «Истина и метод» (1960). В контексте этого «герменевтического поворота» (продолжавшего «критику исторического разума» В. Дильтея) возникли такие ключевые понятия нового гуманитарного мышления, как «абсолютная историчность» (Э. Гуссерль), «слияние горизонтов» прошлого и современности в акте интерпретации (Г.-Г. Гадамер), «история рецепции» как проект истории литературы и философской эстетики нового типа (Г.Р. Яусс), «большое время» становящейся современности великих произведений прошлого (М.М. Бахтин). Важно отметить, что все эти ревизии историзма так или иначе противостоят «морфологической» критике историзма, представленной в знаменитом «Закате Европы» О. Шпенглера (1918–1920) – одном из первых в XX в. учений о «конце истории», которое, по словам Т. Манна, «не перешагнуло рубеж девятнадцатого века»⁶⁵. Одновременно и в прямой зависимости от «невиданных перемен» первых десятилетий XX в. возникли существенно иные, чем в XIX в., формы литературно-художественного познания, предметом которых (особенно в романе) стало *само время*, – сдвиг, анализу которого посвящена (среди необозримого числа западных исследований), в частности, последняя глава «Мимесиса» Э. Ауэрбаха (1946)⁶⁶. В историографии XX в. позитивная критика традиционного историзма и «исторического сознания» характерна, в большей или меньшей степени, для таких влиятельных стратегий исторического мышления и познания, как французская «школа анналов» (М. Блок, Л. Февр и др.), исследования Ф. Броделя, немецкая школа герменевтической семантики (Р. Козеллек), американский и европейский «новый историзм» в литературоведении и в истории культуры (С. Гринблат, К. Гинзбург). Наконец, во второй половине XX в., наряду с разнообразными попытками преодолеть историзм XIX в. (вплоть до структурализма) имеют место отдельные попытки «реабилитации историзма» как термина, сохраняющего научно-методологическую, а равно и культурполитическую релевантность; например, в школе немецкого философа Й. Риттера (инициатора единственного в своем роде издания – «Исторического словаря философии», 13 томов, 1974–2004) понятие историзма ориентирует гуманитарные науки и общественное сознание на противодействие уже необратимой научно-технической «модернизации» мира жизни посредством так называемого научно-технического прогресса, который имеет тенденцию вытеснять

⁶² Ауэрбах Э. Филология мировой литературы [1952] // Вопросы литературы. – 2004 (сентябрь-октябрь). – С. 127.

⁶³ См.: Трельи Э. Историзм и его проблемы [1922]. – М., 1994; Мангейм К. Историзм [1924] // Он же. Очерки социологии знания. – М., 1998. – С. 119–179; Weizbort L. Erich Auerbach im Kontext der Historismusdebatte // Erich Auerbach: Geschichte und Aktualität eines europäischen Philologen / hg. Martin Tremel u. Karlheinz Barck. – Berlin, 2007. – S. 281–296.

⁶⁴ Renke-Fink L. Geschichtlichkeit. – Op. cit. (см. прим. 17); ср.: Сундуков Р. Значение термина «историчность» в немецкой философии XIX в. / Логос. – 2000. – № 5–6. – С. 78–88.

⁶⁵ Манн Т. Об учении Шпенглера [1924] // Он же. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9. – М., 1960. – С. 618.

⁶⁶ Ауэрбах Э. Мимесис: Изображение действительности в западноевропейской литературе [1946]. – М.; СПб., 2000. – С. 438–462. Ср. Фрэнк Д. Пространственная форма в современной литературе [1945] (см. сноску 36).

все «слишком человеческое» из мира жизни вообще⁶⁷. Во всяком случае, историю «нельзя больше понимать по Гегелю, как самоосуществление духа. <...> Время нельзя больше рассматривать как нейтрально направленный процесс, оно воспринимается как четвертое измерение в высшем единстве пространства и времени»⁶⁸.

Оценивая историзм сегодня, из XXI в., приходится констатировать, что «преодоление историзма» на исходе Нового времени слишком дорого обошлось гуманитарии; в частности, в литературной науке это видно на примере истории рецепции исторической поэтики А.Н. Веселовского⁶⁹. На повестке дня как в отечественном, так и в зарубежном научно-гуманитарном мышлении, не столько какой-нибудь «новый историзм», сколько переоткрытие традиционного в исторических условиях после конца Нового времени, зачастую переживаемых как «постистория», хотя это представление в литературной критике и в философской публицистике само по себе еще слишком связано скорее с последствиями историзма XIX в., чем с ним самим.

---

⁶⁷ Плотников Н.С. Реабилитация историзма. Философские исследования Германа Люббе // Вопросы философии. – 1994. – № 4. – С. 87–113.

⁶⁸ Верле М. Общее литературоведение. – М., 1957. – С. 184–185.

⁶⁹ См.: Шайтанов И.О. Классическая поэтика неклассической эпохи // Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика. – М., 2006. – С. 5–50.

Теории романа в Германии: Конец XVIII–XIX вв

А.Е. Махов

Аннотация

Статья прослеживает развитие теории романа в немецкоязычной поэтике и эстетике конца XVIII–XIX вв. Материалом исследования служат тексты Ф. фон Бланкенбурга, Г.Н. Фишера, И.Г. Гердера, Ф. Гёльдерлина, Ф.В. Шеллинга, Жан Поля, В. Гримма, Ф. Шлегеля, Д. Шлегель, Новалиса, И.В. Гёте, Ф. Шлейермахера, Ф. Аста, Г.В.Ф. Гегеля, К. Morgenstern, К.В.Ф. Зольгера, В. Алексиса, Л. Бёрне, В. Менцеля, Л. Винбарга, Т. Мундта, Г. Маргграфа, Р. Пруца, К. Гуцкова, Ю. Шмидта, Ф.Т. Фишера, А. Шопенгауэра, О. Людвига, Ф. Шпильгагена, Я. Вассермана. Рассмотрены проблемы автора, героя и сюжета в романе; соотношения романа и других жанров (эпоса, драмы, сказки, новеллы); разновидностей романа (исторический роман, роман воспитания). В качестве ключевой выделена идея романа как метажанра, способного вбирать в себя другие жанры.

Ключевые слова: роман, эпос, жанр, проза, сюжет, автор, герой, роман воспитания.

Makhov A.E. *German novel theory: The late 18–19th centuries*

Summary. The article traces the development of the theory of the novel in German poetics and aesthetics (late 18–19th centuries). German novel theory is represented by the texts of F. von Blanckenburg, J.K. Wezel, G.N. Fischer, J.G. Herder, F. Hölderlin, F.W. Schelling, Jean Paul, W. Grimm, F. Schlegel, D. Schlegel, Novalis, J.W. Goethe, F. Schleiermacher, F. Ast, G.W.F. Hegel, K. Morgenstern, K.W.F. Solger, W. Alexis, L. Börne, W. Menzel, L. Wienbarg, Th. Mundt, H. Marggraf, R. Prutz, K. Gutzkow, J. Schmidt, F.Th. Vischer, A. Schopenhauer, O. Ludwig, F. Spielhagen, J. Wassermann. The main problems under consideration are: author, character and plot in the novel; the correlation of the novel and other genres (epos, drama, fairy tale, short story); the kinds of novel (historical novel, «Bildungsroman»). The central poetological idea of German novel theory seems to be that of the novel as a «metagenre» which is able to incorporate in itself other literary genres.

В Германии теория романа в своем развитии хронологически отстает от Франции примерно на век: первое теоретическое сочинение о жанре романа, сопоставимое по своему значению с «Трактатом о происхождении романа» П.-Д. Юэ (1670), – «Опыт о романе» прусского офицера и литератора Фридриха фон Бланкенбурга (1774, издан анонимно). Для дальнейшей разработки теории романа в Германии это сочинение чрезвычайно важно: оно задает набор категорий и формул, которые и далее будут использоваться поэтологами. Так, вероятно, именно к трактату Бланкенбурга восходит ходовая формула «Роман – эпос нашего времени»; однако у Бланкенбурга осторожно сформулированная аналогия («...Роман для нас является тем, чем для греков, соответственно, был эпос») служит лишь отправной точкой для того, чтобы обосновать целую систему различий между романом и эпосом.

Первое из этих различий – историко-антропологическое: эпос и роман репрезентируют разные типы «человечности». Хотя и тот и другой создается «для развлечения (Unterhaltung) публики» (правда, роман «более многообразен» и предоставляет «больше предметов для развлечения»), однако «публика» эпоса и романа – разная: Бланкенбург исходит из идеи историко-антропологического различия античного и современного человека, возникшей в ходе «Спора старых и новых», а в немецкоязычном пространстве развитой Кристианом Гарве. Античный человек – «гражданин (Bürger)», современный – просто «человек (Mensch)». «Если бы первые сочинители романов родились и сформировались в полностью гражданские времена

(in ganz bürgerliche Zeiten), то вместо романов они писали бы эпопеи»⁷⁰. Противопоставление эпоса и романа как жанров, представляющих разные историко-антропологические (и художественные) формации, будет подхвачено иенскими романтиками, применявшими к теории жанров противопоставление античной (классической) и новой (христианской, романтической) культур: «Как наша поэзия началась с романа, так поэзия греков – с эпоса...» (Ф. Шлегель)⁷¹.

«Гражданин», к которому обращен эпос, – это человек как «член (Glied) определенного государства»; современность же открывает для себя «голое, обнаженное человечество (nackte Menschheit; entblösste Menschheit)», т.е. человека как такового, вне его общественного положения.

Переходя к различию в предмете романа и эпоса, Бланкенбург отмечает, что это различие должно возникнуть из разницы в «типе мышления людей (Denkungsart der Menschen)». Различия в мышлении порождают различия в интересе (греку в большей мере интересны внешние события; современному человеку – душевные процессы и человек как таковой: в «Истории Тома Джонса-найденыха» Филдинга нам интересны не «деяния» Тома Джонса, которых практически и нет, но сам Том Джонс), а они, в свою очередь, обуславливают различия в предмете эпопеи и романа, которых Бланкенбург насчитывает три: 1. Эпосу позволено изображать «лишь одно действие определенной величины, определенного объема» – роман способен «вобрать в себя больше»: «важнейшие события [жизни] человека могут быть объединены под одной точкой зрения (Gesichtspunkt) и связаны в единое целое как причина и следствие». 2. Эпос изображает «публичные (öffentliche) деяния и события, т.е. действия гражданина»; роман занят «действиями и чувствами человека», а также его «внутренними состояниями». 3. С первым отличием связано то обстоятельство, что эпос в определенной степени допускает чудесное (Wunderbare), а роман – нет⁷².

Следующее различие – композиционное. Романист «имеет в своем распоряжении все, чем человек может быть и что он может сделать (alles, was ein Mensch seyn und thun kann)». Отсюда – свобода в построении романа, в центре которого может быть и человек, и событие, а чьим финалом (Ausgang) может быть как «завершение (Vollendung) события», так и «завершение характера» – в том случае, когда «возникший и сформированный в ходе произведения характер достиг соответствия замыслу поэта и нам теперь уже нечего о нем узнать...»⁷³. Роман, таким образом, не подчиняется аристотелевскому требованию завершенности фабулы: его целостность может проявляться в одной лишь «завершенности характера». Мы наблюдаем у Бланкенбурга тот же перенос акцента с фабулы (у Аристотеля – главного элемента поэзии) на характер, который в эти же годы проявляется у штюрмеров (особенно Якоба Ленца, резко критиковавшего Аристотеля за недооценку значения «характера» в драме⁷⁴).

Противопоставлены эпос и роман и по способу изображения. Если эпос – «простое повествование (blosse Erzählung)» о событиях, то роман весьма оригинальным образом отывается Бланкенбургом от аристотелевской категории повествования: роман – не «простой рассказ», но наглядное представление причинно-следственных связей, наличествующих в мире и душе человека. Романист должен показать переплетение в человеке внешнего и внутреннего («внутреннее и внешнее в человеке связаны таким образом, что мы, безусловно, сможем узнать внутреннее, если пожелаем объяснить явления, относящиеся к внешнему»), причинную связь

⁷⁰ Blanckenburg F. von. Versuch über den Roman // Romantheorie. Texte vom Barock bis zur Gegenwart / Hrsg. von H. Steinecke, F. Wahrenburg. – Stuttgart, 1999 (далее – RT). – S. 181.

⁷¹ Шлегель Ф. Письмо о романе / Пер. с нем. Ю.Н. Попова // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. – М., 1983. – Т. 1. – С. 403.

⁷² Blanckenburg F. von. Op. cit. – S. 183–187.

⁷³ Ibid. – S. 187.

⁷⁴ См. об этом: Махов А.Е. Европейская поэтика: Темы и вариации // Европейская поэтика от Античности до эпохи Просвещения. – М.: Intrada, 2010. – С. 40–41.

характера и обстоятельств. Кроме того, романист – творец мира своих героев; поэтому он должен знать их изнутри: «Поэт, если он не хочет покрыть себя позором, не может отговориться тем, что он не знает внутренний мир (das Innre) своих персонажей. Он их творец: от него они получили все свои особенности, все свое бытие; они живут в мире, который он устроил (geordnet hat)». «...Мы должны видеть в произведении поэта все внутреннее бытие (das ganze innre Seyn) действующих персонажей, со всем причинами, заставляющими их действовать, – иначе поэт превратится в простого рассказчика (Erzehler)».

Итак, роман требует в качестве автора не рассказчика, но «внимательного наблюдателя человеческой природы, глубокого знатока человеческого сердца»; настоящий романист умеет наглядно показать «ряд связанных между собой причин и следствий», «связь внутреннего и внешнего бытия персонажей; это развитие внешнего, как оно возникает из внутреннего», «своеобразное *как* каждого события». Подход романиста к событию – генетический: он «должен заставить нас увидеть, как на самом деле возникло данное событие»⁷⁵.

В завершающей части трактата появляется определение поэтического произведения как маленького мира (eine kleine Welt), которое должно максимально уподобиться большому миру – творению Того, кто Безграничен (Uneingeschränkte); кто создал «уходящий в бесконечность ряд связанных причин и следствий»⁷⁶.

Заданное Бланкенбургом соотношение эпоса и романа превращается в весьма распространенную схему, используемую и в некоторых текстах романтиков – например, в рецензии Вильгельма Гримма (1810) на роман А. фон Арнима «Бедность, богатство, вина и покаяние графини Долорес». Гримм утверждает, что в современной (moderne) поэзии «роман в определенном отношении занял место эпоса»; однако если эпос, создававшийся в эпоху великих национальных идей (Nationalgesinnung), «объединял в целое всех людей», то роман возникает там, «где жизнь стала одиночной (einsam)», его предмет – характер и устремления «одиночного» человека⁷⁷.

Иоганн Карл Вецель, также сравнивая эпос и роман (в предисловии к собственному роману «Герман и Ульрика», 1780), приходит к более умеренным выводам: эпос и роман различаются лишь «*тоном* языка, характеров и ситуаций», однако «в эпосе все *поэтично*, а в романе все *человечно* (menschlich)». Усовершенствовать роман, ныне презираемый многими, можно сблизив его с биографией и комедией; тогда возникнет «бюргерская эпопея» (bürgerliche Epopée), которой, собственно, и должен быть настоящий роман⁷⁸.

Следует отметить тенденцию понимать роман как пограничный и не вполне поэтический жанр; у Бланкенбурга эта тенденция проявилась в том, что роману приписана, по сути, аналитическая, рациональная (если не сказать – «научная») функция (исследование и наглядное изображение каузальных связей). Очень ясно представление о гетерогенности романа (как полухудожественного – полунаучного жанра) выразил Готлоб Натанаэль Фишер, который в статье «Об исторических романах» (1794) предложил разделить рационалистическую и эстетическую составляющие жанра и рассматривать роман в двух планах: «сначала как поэтическое произведение (Gedicht), согласно эстетическим правилам, а затем как прагматическое изображение вымышленных и истинных фактов, согласно правилам логики и психологии»⁷⁹.

Приписываемая роману «научная» познавательная ценность повышала его общий статус в системе жанров, выводила из сферы чистого «delectate». Идеей серьезности романа пронизана анонимная статья «О драматическом романе» (1791): прошли времена, когда роман счи-

⁷⁵ Blanckenburg F. von. Op. cit. – S. 188–191.

⁷⁶ Ibid. – S. 193–194.

⁷⁷ Grimm W. Rezension zu Achim von Arnim, Armuth, Reichthum, Schuld and Busse der Gräfin Dolores // RT. – S. 293.

⁷⁸ Wezel J.K. Vorrede zu «Hermann und Ulrike» // RT. – S. 204.

⁷⁹ Fischer G.N. Ueber den historischen Roman // RT. – S. 220.

тался ничтожным жанром, «средством скоротать часы досуга»; для мыслящего человека роман представляется «рядом событий, которые теснейшим образом связаны друг с другом, цепью причин и следствий, позволяющих в результате разрешить психологическую проблему».

Статья связана и с развернувшимся в 1780–1790-е годы обсуждением различных форм романа (роман в письмах, диалогический роман и т.п.), их достоинств и недостатков. Выбор формы не менее важен, чем «выбор сюжета (Sujet)». Драматический (т.е. использующий главным образом диалог) тип изложения – наименее подходящая форма для романа, поскольку не позволяет полноценно отобразить «“как” характера», лишает читателя возможности узнать связанные с персонажем «внешние обстоятельства», влияние на него «общества, места и времени»⁸⁰.

Вопрос о соотношении романа и драмы занимает в эти годы и Гёте. В пятой книге «Годов учения Вильгельма Мейстера» (1795) он устами своих героев (Вильгельма и Зерло) формулирует различие между ними. Не сводимое к «внешней форме» (в первом о персонажах рассказывается, во второй они сами действуют), различие романа и драмы охватывает предмет изображения [роман должен преимущественно представлять «умонастроения и события (Gesinnungen und Begebenheiten)», драма – «характеры и поступки»], темп развития событий [роман должен «продвигаться медленно» (langsam gehen), драма «должна спешить»], отношение героя к действию [герой романа – «претерпевающий (leidend)», «замедляющий действие (retardierend)»; от героя драмы «требуется действие и поступок»], движущие силы действия (в романе допустима «игра случая», однако «управляют» его действием «умонастроения героев»; лишь в драме появляется «судьба, толкающая людей, без их участия... к непредвиденной катастрофе»).

На фоне восходящих к Бланкенбургу рационалистических трактовок жанра как наглядного представления и даже исследования причинно-следственных связей в 1790-е годы одиозно звучит признание Ф. Гёльдерлина (из письма к К.Л. Нойфферу, 1793) о том, что фрагмент из его собственного романа «Гиперион» (отсылаемый им издателю) – «скорее путаница случайных настроений (Gemensel zufälliger Launen), чем продуманное развитие четко определенного характера». Гёльдерлин вводит в обсуждение жанра оппозицию чувства и разума (Empfindung – Verstand), по сути определяя свой роман как роман чувства, преследующий чисто эстетические, а не психологические цели: «Я хотел бы скорее занять способность вкуса картиной идеи и чувств (ein Gemälde von Ideen und Empfindungen), для эстетического наслаждения, чем разум – планомерным психологическим развитием»⁸¹.

Идея того, что роман не замкнут в чисто эстетической сфере, а граничит с другими, нехудожественными дискурсами (историографией, биографией, психологическим исследованием и т.п.), приводит в конце концов к представлению о романе как своего рода метажанре, вбирающем в себя достоинства и особенности других жанров (в том числе и нехудожественных!). Так, И.Г. Гердер в 99-м письме (1796) из цикла «Письма для поощрения гуманности» пишет: «Нет жанра поэзии, который обладал бы более широким охватом, чем роман»; «он содержит или может содержать не только историю и географию, философию и теорию почти всех искусств, но и поэзию всех жанров и родов – в прозе» (ибо роман – это «поэзия в прозе»). Идея романа как смешанного жанра, соединяющего поэтическое и «научное» (логическое и психологическое, как у Г.Н. Фишера) начала, переосмыслено Гердером в духе топоса «ex multis in unum»⁸², хорошо известного в истории поэтики: роман – не смешанный, но синтезирующий

⁸⁰ Ueber den dramatischen Roman // RT. – S. 211, 215.

⁸¹ Hölderlin F. Brief an Neuffer // RT. – S. 218–219.

⁸² Выражение Ю.Ц. Скалигера: Поэты, как и художники, соревнуются с природой, «переноса [лучшие черты] из многих [ее творений] в свое единственное произведение (ex multis in unum opus suum transferunt)» – Scaliger J.C. Poetices libri septem. – Lyon, 1561. III:25.

жанр, который примиряет в себе «величайшие несовместимости (die grössten Disparaten)», «все, что только может интересовать человеческие ум и сердце».

Особо отмечает Гердер связь романа с историей, которая сама стала для нас романом: «...вообще человеческая деятельность настолько превратилась для нас в роман, что мы желаем читать историю не иначе как почти что философский роман». Родную стихию романа признает в «историчности» и Ф. Шлегель: «...подлинная история является фундаментом всей романтической [в смысле: романической. – А.М.] поэзии» («Письмо о романе»)⁸³.

Столь же смело идея романа расширена Гердером и в хронологическом измерении: он обнаруживает роман в глубокой древности, относя к этому жанру поэмы Гомера, историю Геродота, многие диалоги Платона и т.п.⁸⁴ Ф. Шлегель идет еще дальше в этом направлении, находя у древних и саму теорию романа: «политическое учение об искусстве Платона» (т.е. 3-я и 10-я книги диалога «Государства», где обсуждаются вопросы искусства) содержит «основные линии философии романа» (252-й фрагмент из журнала «Атенеум», 1798)⁸⁵. Обращен этой расширительной тенденции «редукционистский» подход Ф.В. Шеллинга, полагавшего, что «поныне существуют лишь два романа – “Дон Кихот” Сервантеса и “Вильгельм Мейстер” Гёте» («Философия искусства», лекции 1802/1803)⁸⁶.

Топос «ex multis in unum» применяет к роману и Жан-Поль (в «Приготовительной эстетике», 1804, 2-е изд. 1813). Роман – форма, синтезирующая все прочие возможные формы; однако в этом Жан-Поль не видит достоинства: «Роман бесконечно много теряет в чистоте склада (an reiner Bildung) из-за широты формы, внутри которой лежат и болтаются (klappern) почти все формы». Впрочем, Жан-Поль тут же допускает, что «в добрых руках» роман, как «единственно дозволенная поэтическая проза», вполне может стать «поэтической энциклопедией, поэтической свободой всех поэтических свобод»⁸⁷.

Теоретически конструируемый «идеальный» роман связывается с категорией романтического: «Самое необходимое в романе – это романтическое (das Romantische)» (Жан-Поль)⁸⁸; роман «должен быть романтическим (romantisch)» (Доротея Шлегель, «Разговор о новейшем романе французов», 1803)⁸⁹. В то же время этот идеальный «романтический роман» отделяется от современного бытового нравоучительного романа, на торжество которого сетует Жан-Поль: «...стилисты до сих пор требовали от романа не романтического духа, а изгнания романтического духа... У них роман – просто дидактическая поэма, излагаемая не в стихах...»⁹⁰.

У иенских романтиков роман (прежде всего «Вильгельм Мейстер» Гёте) становится отправной точкой для разработки главных понятий романтической поэтологии. По Ф. Шлегелю, роман Гёте демонстрирует единство (отмеченное уже Гердером) поэзии и прозы («Эта волшебная проза – проза, и все-таки поэзия»), поэта и критика («...это одна из книг, которые сами себя оценивают»), следование принципу иронии (автор «почти никогда не упоминает героев без иронии и, кажется, сам с высоты своего духа посмеивается над оставшимся внизу собственным шедевром – auf sein Meisterwerk selbst von der Höhe seines Geistes herabzulächeln scheint»)⁹¹. В «Письме о романе» (1800) Ф. Шлегель продолжает начатую Гердером линию понимания романа как метажанра («...я не могу себе представить роман иначе, как в виде сочетания рассказа, песни и других форм»), а также применяет к роману собственную идею

⁸³ Шлегель Ф. Цит. соч. – С. 405.

⁸⁴ Herder J.G. Briefe zur Beförderung der Hymanität. Achte Sammling // RT. – S. 236–237.

⁸⁵ Schlegel F. Fragmente aus dem «Athenaeum» // RT. – S. 250.

⁸⁶ Schelling F.W. J. Philosophie der Kunst // RT. – S. 272.

⁸⁷ Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики (1804) / Пер. с нем. А.В. Михайлова. – М., 1981. – С. 254–255 (§ 69).

⁸⁸ Жан-Поль. Цит. соч. – С. 255.

⁸⁹ Schlegel D. Gespräch über die neuesten Romane der Französinen // RT. – S. 274.

⁹⁰ Жан-Поль. Цит. соч. – С. 255.

⁹¹ Schlegel F. Über Goethe's Meister // RT. – S. 239–240.

об авторефлексивности поэзии, о единстве поэта и критика («...теория романа сама должна бы быть романом»). Роман ясно противопоставлен эпосу по признаку субъективность – внешность / объективность: с одной стороны, «самое лучшее в лучших романах есть не что иное, как более или менее скрытая исповедь автора», с другой – «ничто так не противоречит эпическому стилю, как хотя бы малейшее проявление собственного настроения автора...»⁹².

Новалис также находит в романе Гёте образец иронии («Наиболее обычное, как и самое значительное, увидено и изображено с романтической иронией»), а также особого романтического порядка, который скорее можно назвать беспорядком: «Акценты не логические, но (метрические) и мелодические, – благодаря чему возникает тот волшебный романтический порядок (*romantische Ordnung*), который не обращает внимания (...) на ранг и достоинство, первость и последность (*Erstheit und Letzttheit*), великость и малость» («Всеобщий черновик», 1798)⁹³. С понятием «волшебного порядка» можно, вероятно, сопоставить выдвинутую Ф. Шлегелем метафору «арабески» («Письмо о романе»), также характеризующую романную форму.

Особый «порядок», задаваемый «мелодическими», а не логическими акцентами, роман, в понимании Новалиса, разделяет со сказкой, которая описана в сходных категориях: «Сказка, собственно говоря, подобна образу из сновидения – она бессвязна (*ohne Zusammenhang*) – ансамбль удивительных вещей и событий – например, музыкальная фантазия – гармонические чередования золотой арфы – сама природа» («Всеобщий черновик»)⁹⁴. Роман, как и сказка, обладают особым надлогическим (музыкальным) порядком, который аналогичен «порядку» музыки или сна. Сопоставление романа и сказки со сном, видимо, независимо от Новалиса проводит и Гердер (в «Адрастее», 1801–1802): «Сон – идеал для сказки, как и для всех романов... Действующая в нас сила, которая многое соединяет в единое (*Vieles zu Einem*) – основа сна; но она же основа и романа, и сказки»; бессвязный сон, в котором нет единства, мучителен для нас – но так же мучительны бессвязны сказка и роман. «Сон поднимает нас над грубым хаосом бодрствующей жизни: он показывает свою жизнь. Точно так же поднимает нас над обыденным миром роман, сказка»; тривиальные истории не годятся для романа – пусть лучше поэт «в своей книге даст нам полную головку мака или даже сам опиум, чтобы мы задремали у тебя [т.е. у поэта], чтобы мы у тебя грелись»⁹⁵.

На эту мысль Гердера сочувственно ссылается Жан-Поль: эпический роман «отражает и несет на себе не столько одного героя, сколько целый мир, и целый мир прошлого. И потому истинно и тонко сходство между сновидением и романом, сходство, в котором Гердер видит сущность романа; таково и сходство сказки и романа...»⁹⁶.

Во фрагменте, посвященном жанру романа как такового, Новалис отмечает принципиальную несводимость смысла романа к какому-либо завершенному тезису (*Satz*): «Роман, как таковой, не содержит какого-либо определенного результата – он не есть изображение или следствие (*Faktum*) того или иного тезиса. Он – наглядное осуществление – реализация идеи. Но идея не позволяет вместить себя в один тезис. Идея – это *бесконечный ряд* тезисов – *иррациональная величина*...» («Наброски к различным собраниям фрагментов», 1798)⁹⁷. Так понимаемый роман напоминает символ в трактовке Гёте: «Символика превращает явление в идею, идею в образ, и так, что идея всегда остается в образе бесконечно действенной и недостижи-

⁹² Шлегель Ф. Письмо о романе. Цит. изд. – С. 404–405.

⁹³ Novalis. *Das Allgemeine Brouillon* / RT. – S. 246.

⁹⁴ Novalis. *Das Allgemeine Brouillon*. N 986 // Novalis. *Schriften*: In 4 Bd u. e. Begleitbd / Hrsg. von P. Kluckhohn und R. Samuel. – Stuttgart: Kohlhammer, 1968. – Bd 3. – S. 454.

⁹⁵ Herder J.G. *Adrastea*. Bd 2, St. 3 // Herder J.G. *Sämtliche Werke* // Hrsg. von B. Suphan. 23 Bd. – Berlin, 1885. – S. 295–296.

⁹⁶ Жан-Поль. Цит. соч. – С. 256–257 (§ 70).

⁹⁷ Novalis. *Vorarbeiten zu verschiedenen Fragmentensammlungen* // RT. – S. 242.

мой» («Максимы и размышления»)⁹⁸. Если у Гёте идея становится «бесконечной действенной» в символе, то у Новалиса роман становится осуществлением идеи как «бесконечного ряда тезисов».

Представление о том, что предметом романа должны быть скорее «идеи», чем «внешние» события и поступки, намечает и Ф. Шлейермахер в сочувственной рецензии (1800) на «Люцинду» Ф. Шлегеля, где есть рассуждение, касающееся жанра романа в целом. «Уже обычное сравнение романического (*des Romantischen*) и драматического приводит к тому, что первое должно давать сколь возможно полное представление о внутреннем человеке (*Anschauung des innern Menschen*)». Значит, изображения внешних действий недостаточно для целей романа: «мысли и воззрения» в нем должны быть выражены непосредственно (*unmittelbar*), а «отношение к предметам» должно отойти на второй план, уступив место «отношению к идеям (*die Beziehung auf Ideen*)»⁹⁹.

Романтическая апология жанра романа достигает вершины в «Системе учения об искусстве» (1805) Фридриха Аста, занимавшегося в Иенском университете у Фихте, Ф. Шлегеля и Шеллинга.

Аст подхватывает намеченную Ф. Шлегелем идею романа как субъективного жанра. «Поэтический дух», обнаруживая свою «абсолютную способность к свободному творчеству (*sein absolut freybildendes Vermögen*)», создает жанры «субъективного и идеального повествования», противостоящие «чисто исторической, объективной и реальной истории». Эти жанры – «новелла (*Novelle*) и роман, из которых субъективное и свободно-поэтическое настроение поэта просвечивает то как веселое, светлое расположение духа, как шутка (*Witz*) и ирония, то как энтузиазм и фантазия». «В романе все развивается из глубочайшей индивидуальности, наиинтимнейшей (*innigsten*) субъективности, и, таким образом, из абсолютности души, религии и любви; поэтому всякий истинный роман должен иметь оттенок мистического». «Абсолютность внутреннего» предполагает также «абсолютную свободу» творца.

---

⁹⁸ Goethe J.W. Gedenkausgabe der Werke, Briefe und Gespräche. – Zürich, 1948–1964. – Bd 9. – S. 639.

⁹⁹ Schleiermacher F. Rezension zu «Lucinde». Ein Roman von Friedrich Schlegel // RT. – S. 255.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.